

ИНТЕРЕСЫ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается проблема обеспечения мерами уголовно-процессуального принуждения надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства через призму интересов личности как структурного элемента процессуального статуса. Механизм применения мер процессуального принуждения предполагает воздействие не на права и обязанности участника уголовного судопроизводства, а на его интересы. Поэтому УПК РФ должен прямо предусматривать возможность обжалования процессуальных действий (бездействия) и процессуальных решений, ограничивающих законные интересы участников уголовного судопроизводства и иных лиц, не оправданные назначением уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: законный интерес, процессуальный интерес, меры пресечения, заключение под стражу, обжалование.

R.V. Maziuk

PERSONAL INTEREST AS AN OBJECT OF PROCEDURAL LAW FORCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the problem of ensuring the proper behavior of participants in criminal proceedings through the prism of the interests of the individual as a structural element of the procedural status. The mechanism of application of measures of procedural coercion involves the impact not on the rights and obligations of a participant in criminal proceedings, but on his interests. Therefore, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should explicitly provide for the possibility of appealing against procedural actions (inaction) and procedural decisions that restrict the legitimate interests of participants in criminal proceedings and other persons who are not justified by the appointment of criminal proceedings.

Keywords: legitimate interest, procedural interest, preventive measures, detention, appeal.

Традиционно меры уголовно-процессуального принуждения рассматриваются как средства и способы обеспечения надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства, а также надлежащего порядка производства по уголовному делу в целом. Вместе с тем ученые-процессуалисты недостаточно внимания уделяют рассмотрению механизма правового воздействия мер принуждения на процессуальный статус личности в уголовном судопроизводстве. В этой связи особое значение представляют интересы личности как элемент процессуального статуса участника уголовного судопроизводства. Дума-

ется, именно интересы участника уголовного судопроизводства являются объектом воздействия мер процессуального принуждения.

Следует отметить, что такие общепризнанные элементы процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, как права, обязанности и ответственность в результате применения к лицу меры процессуального принуждения остаются в неизменном виде, так как они обеспечивают реализацию соответствующего статуса в рамках конкретных процессуальных отношений. Так, например, ни одна из мер процессуального принуждения сама по себе не должна ограничивать право обвиняемого представлять доказательства, пользоваться помощью защитника, приносить жалобы и т.д.

Ограничениям от применения мер принуждения подвергаются иные, непосредственно не связанные с участием в уголовно-процессуальной деятельности, социально-правовые ценности, которые сами по себе представляют интерес для данной личности: свобода передвижения, здоровье, частная собственность, общение с людьми и т.п. И, поскольку интересы личности определяют мотивы ее поведения, они лежат в основе правомерного или противоправного поведения участника производства по уголовному делу. Другими словами, именно реализация интересов личности порождает уголовно-процессуальные нарушения, влекущие необходимость применения мер процессуального принуждения к такому участнику уголовного судопроизводства.

Не останавливаясь в рамках настоящей статьи подробно на дискуссии по вопросу разграничения понятий «интересы» и «законные интересы», следует отметить, что в УПК РФ понятие «интересы» встречается 35 раз, а «законные интересы» – 17 раз. Думается, что в нормах уголовно-процессуального закона понятия «интерес» и «законный интерес» употребляются как синонимы, и какого-то принципиального различия в их семантике искать не стоит.

Следует согласиться с мнением А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского о том, что «законные интересы наряду с правами являются самостоятельным объектом судебной защиты, так как иначе у правоприменителей может возникнуть соблазн для отказа в защите интересов лица, с той мотивацией, что его права нарушены не были» [4]. Так, при апелляционном обжаловании постановления суда об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу защите подлежит не какое-либо из прав, предусмотренных ч. 4 ст. 47 УПК РФ, а интерес данного обвиняемого на применение к нему более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу. «Право на более мягкую меру пресечения» уголовно-процессуальным законом не предусмотрено и вряд ли когда-нибудь будет предусмотрено. При этом, обосновывая в апелляционной жалобе необходимость применения более мягкой меры пресечения, например, домашнего ареста, обвиняемый или его защитник, безусловно, не будут формулировать свое требование в просительной части жалобы как «восстановление нарушенного интереса» или «обеспечение законного интереса». Проблема юридической техники существующей практики уголовного судопроизводства в том, что категория «интерес» («законный интерес») является недостаточно разработанной в теории уголовно-процессуального права и, как результат, пока еще бессмысленной в практике уголовного судопроизводства.

Однако, с точки зрения догматического подхода, предметом обжалования процессуального решения следователя, дознавателя, суда об избрании меры пресечения является именно интерес обжалующей стороны в применении конкретной меры пресечения. Более того, в ч. 1 ст. 97 УПК РФ основания применения мер пресечения сформулированы именно как обстоятельства, отражающие наиболее типичные интересы обвиняемого (подозреваемого) в рамках осуществляемого в отношении него уголовного преследования:

- 1) интерес скрыться от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) интерес продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) интерес воспрепятствовать законному производству по уголовному делу.

Интерес обвиняемого скрыться от органа предварительного расследования, между тем, не должен свидетельствовать о его виновности в совершении преступления. В основе такого интереса могут быть различные ценности, желания или даже страхи обвиняемого: например, страх необоснованного уголовного преследования, желание дистанционно осуществлять свою защиту от обвинения без возможного психологического или физического воздействия на него в условиях следственного изолятора и т.п.

К сожалению, общеизвестной истиной в современной практике уголовного процесса стал тезис о том, что для следователя целью применения меры пресечения в виде заключения под стражу является необходимость помещения обвиняемого (подозреваемого) в условия, в которых у стороны обвинения имеются ресурсы для оказания незаконного воздействия на него и получения признательных показаний. Как справедливо отмечает Ю.И. Стецовский, «сама обстановка места содержания под стражей оказывается методом давления на психику человека. Чтобы подавить волю обвиняемого (подозреваемого), склонить его к самоизобличению и к показаниям о других лицах, органы расследования и взаимодействующие с ними оперативно-розыскные службы прибегают к пыткам и пресловутой внутрикамерной обработке» [5, с. 147].

С точки зрения психологии, «любое принуждение предполагает такое поведение, которое противоречит (или не соответствует) интересам иного лица» [6, с. 513]. Вряд ли можно утверждать, что применение к обвиняемому (подозреваемому) меры процессуального принуждения соответствует его интересам. В подавляющем большинстве случаев любая мера процессуального принуждения противоречит интересам личности, однако и в данном вопросе могут быть исключения. Например, известны случаи, когда по уголовному делу у обвиняемого, не имеющего постоянного места жительства и долгое время находившегося в местах лишения свободы, был интерес на применение к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, чтобы оказаться в следственном изоляторе, предоставляющем ему «комфортные» условия существования и бесплатное питание. Другим примером-исключением из указанного правила может быть интерес обвиняемого на применение к нему наложения ареста на имущество, которое является предметом рейдерского захвата в рамках «заказного» уголовного дела.

С точки зрения науки уголовно-процессуального права, «уголовно-процессуальное принуждение есть разновидность государственного принужде-

ния. Последнее применяется компетентными органами и должностными лицами государства в форме специальных актов и в рамках правовых норм. Это психическое или физическое воздействие в отношении субъектов общественной жизни с целью подчинения их воли и поведения интересам общества и государства» [1, с. 25].

Необходимо отметить, что принуждение в уголовном судопроизводстве является не только главным методом отдельно взятого института, но и основным методом правового регулирования всей отрасли уголовно-процессуального права. Все стадии, институты, конкретные правоотношения в рамках уголовного судопроизводства пронизаны идеей принуждения. Принуждение в уголовном судопроизводстве используется государством в интересах создания необходимых условий для надлежащего порядка производства по уголовному делу, обеспечивающего полноту, всесторонность и объективность производства по уголовному делу. А потому принуждение находится в прямой причинно-следственной связи с итоговым процессуальным решением по делу: в большинстве случаев именно принуждение обеспечивает собирание достаточного количества достоверных и допустимых доказательств, позволяющих в совокупности сделать вывод о невиновности или виновности лица в совершении преступления. И речь в этом случае идет не только и не столько о мерах процессуального принуждения в отношении обвиняемого (подозреваемого), сколько о методах принуждения, применяемых в процессе доказывания по уголовным делам.

Объектом процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве, как правило, является совокупность интересов: частных и публичных – в различных комбинациях, в том числе, интересов лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. Например, в научной литературе отмечается, что «в качестве средства защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе уголовно-процессуальное принуждение проявляется в применении ограничений в отношении одного лица, чем обеспечивается соблюдение прав и интересов другого. Так, например, применение заключения под стражу и задержания способствует охране участников процесса, допустим, от расправы со стороны обвиняемого и других лиц, и, конечно же, препятствует совершению новых преступлений с его стороны» [7, с. 49]. В комментарии к УПК РФ высказано обоснованное мнение, что «применение такой меры уголовно-процессуального принуждения, как задержание, затрагивает интересы не только подозреваемого, но и его семьи, близких лиц, коллег и руководства по месту работы... Поэтому закон требует незамедлительного уведомления о задержании лица, которое должно состояться в течение 12 часов после фактического его задержания, а не после составления протокола задержания» [3, с. 117].

Кроме того, в большинстве случаев существует конкуренция интересов различных участников уголовного судопроизводства, в которой приоритет одного интереса над другим должен определяться исходя из задач конкретной стадии производства по уголовному делу и назначения уголовного судопроизводства в целом. Так, нельзя не согласиться с мнением А.С. Дежнева о том, что «с позиции социальной справедливости приоритет интересов семьи, живущей за счет средств, нажитых преступным путем, не может быть оправдан отказом в

принятии необходимых мер для возмещения вреда, причиненного преступлением» [2, с. 12]. Более того, конкуренция интересов различных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, может выступать основанием для обжалования принятого процессуального решения. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» указывается, что «если судебное решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста затрагивает права и законные интересы проживающих в том же жилом помещении собственника жилья или других лиц, они вправе обжаловать его в установленном законом порядке» (п. 38) [9].

Оценка необходимости защиты отдельных интересов участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 г. № 210-О отмечается, что выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях сопряжено с применением мер принуждения, затрагивающих нормальное функционирование кредитной организации и интересы ее клиентов [10]. В Определении Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 г. № 880-О-О была высказана позиция, согласно которой «обязанность уведомления подозреваемого, обвиняемого о предстоящем наложении ареста на имущество делала бы данную меру процессуального принуждения бессмысленной, нарушала бы законные права и интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, предоставляя необоснованные преимущества подозреваемому, обвиняемому» [11].

Исходя из того, что принуждение в уголовном судопроизводстве затрагивает или ограничивает интересы личности, которые сами по себе основываются на социально-правовых ценностях в различных сферах жизнедеятельности, у участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, должны быть процессуальные средства обеспечения своих интересов в рамках производства по уголовному делу в целях защиты таких ценностей.

В этой связи заслуживает внимания предлагаемая Н.Б. Туныниным система правовых средств отстаивания имущественных интересов по уголовным делам: 1) своевременно получать процессуальный статус с информированием об обладании прав, необходимых и достаточных для защиты своих интересов; 2) своевременное наделение статусом других участников, назначением которых является оказание помощи в защите интересов; 3) полноценное разъяснение имеющихся прав и предоставление реальной возможности их реализации; 4) в ограниченных случаях принимать участие в выборе степени принуждения, а также в принятии решения о правоограничении (в судебном заседании), знакомиться с материалами, служащими основанием принятия такового; 5) во всех случаях своевременно знать о принятом решении (разъяснение его сущности и последствий), получать копию такого решения и протокола непосредственного применения правоограничения; 6) заявлять ходатайства; 7) представлять до-

полнительные материалы; 8) обжаловать решения и действия должностных лиц; 9) требовать возмещения причиненного имущественного вреда; 10) инициировать привлечение к юридической ответственности нарушителей их прав и интересов [8, с. 31].

Нельзя не согласиться с автором в том, что обеспечение интересов личности в уголовном судопроизводстве возможно только посредством общеправовых средств, входящих в содержание процессуального статуса участника уголовного судопроизводства. Вместе с тем, поскольку интересы личности являются объектом принуждения в уголовном судопроизводстве, они должны быть предметом самостоятельного обжалования как в ведомственном, так и в судебном порядке. Уголовно-процессуальный закон должен прямо предусматривать возможность обжалования процессуальных действий (бездействия) и процессуальных решений, ограничивающих законные интересы участников уголовного судопроизводства и иных лиц, не оправданные назначением уголовного судопроизводства. УПК РФ должен предусматривать требование, согласно которому в жалобе на ограничение законного интереса должно быть сформулировано, в чем состоит данный интерес, какие социально-правовые ценности личности ограничиваются конкретными действиями (бездействием) или решением по уголовному делу и каким образом ограниченный интерес может быть обеспечен.

Список использованной литературы

1. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения / Е.Г. Васильева. – Уфа : Изд-во БашГУ, 2003. – 136 с.
2. Дежнев А.С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении меры принуждения в виде наложения ареста на имущество / А.С. Дежнев // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. – № 3. – С. 6–12.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев ; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. – Москва : Норма, Инфра-М, 2014. – 1056 с.
4. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова // СПС «КонсультантПлюс».
5. Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность / Ю.И. Стецовский. – Москва : Дело, 2000. – 720 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Москва : Питер, 2012. – 705 с.
7. Рябинина Т.К. Общие проблемы уголовного судопроизводства / Т.К. Рябинина, А.А. Козявин, А.М. Шинкевич. – Старый Оскол : ТНТ, 2009. – 146 с.
8. Тутынин И.Б. Обеспечение прав и интересов при применении мер процессуального принуждения имущественного характера / И.Б. Тутынин // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 29–32.

9. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 // Российская газета. – 2013. – № 294.

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кополева Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав статьями 21, 165, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 4 и 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» : Определение Конституц. Суда РФ от 30.01.2020 г. № 210-О // СПС «КонсультантПлюс».

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бадалян Елены Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав статьей 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституц. Суда РФ от 23.06.2009 г. № 880-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: marova@mail.ru.

Author

Roman V. Maziuk – Candidate in Law, Associate Professor of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: marova@mail.ru.